

Местные традиции производства и эволюция чжурчжэньских панцирных пластин

Станислав Данилович Прокопец,
кандидат исторических наук, младший
научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Даль-
него Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: stas842005@mail.ru

На территории Приморья было обнаружено большое количество панцирных пластин. Такие находки дают возможность заняться не только реконструкцией древнего доспеха, но и изучением традиций производства, которые автор статьи пытается определить при помощи типологического ряда. **Ключевые слова:** Чжурчжэни, панцирная пластина, защитное вооружение, типологический ряд.

Local manufacturing traditions and the development of the Jurchen armor plates.

Stanislav Prokopenko, Cand. Sc. (History), junior researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

A large number of ironclad plates were found on the territory of the Primorsky region. Such kind of findings provides an opportunity not only to reconstruct the ancient armor but also to study the manufacturing traditions that the author attempts to identify according to the typological line.

Key words: The Jurchen peoples, armor plate, armature, typological line.

Панцирь дальневосточного средневекового воина являлся сложной системой, в которой должны были взаимодействовать различные качества (защита, прочность, удобство, универсальность и т.д.). Преобладание той или иной характеристики напрямую зависело от места ведения боевых действий, собственной производственной базы и вооружения врага. Именно на основании перечисленных условий определялось, какое из качеств будет приоритетным при создании идеального (на тот момент) панциря. Совершенство изделия выражалась в форме брони (нагрудник, кираса и т.д.), материале изготовления (металл, кожа, кость и т.д.), способе формирования (цельный, ламинарный, ламеллярный, чешуйчатый, пластинчатый, кольчатый и т.д.). Конечно, все тонкости механизмов определения оптимальных качеств доспеха основывались на военном опыте и производственных традициях.

На данный момент известно, что на территории Приморья со времён бронзового века воинами использовался ламеллярный панцирь [1, с. 10; 3],

ряды которого набирались из небольших пластинок, скреплённых между собой шнуром. Этот панцирь, в свою очередь, состоял из двух крупных систем, которые могли иметь различные традиции производства. К первой относятся форма и покрой панциря, дополнительные элементы усиления брони. Ко второй — форма и материал пластин, а также специфический набор отверстий для их связки.

К настоящему времени, ввиду большого количества находок, а также доступности изобразительных и письменных источников, наиболее полно реконструирован комплекс чжурчжэньского защитного вооружения [3]. Именно он дал нам возможность разделить панцирь на две системы и выделить пришлые и местные традиции производства.

Что касается формы чжурчжэньского доспеха, стоит кратко охарактеризовать её как практически полностью заимствованную у китайского, корейского и киданьского комплексов вооружения. Нами реконструированы четыре типа чжурчжэньских панцирей: нагрудник, поясной доспех, два варианта кирас, кавалерийский доспех с курткой, наплечниками и подолом. Интересно, что, переняв от соседей первую систему, чжурчжэни отказываются от второй и вводят свою пластину, традиции которой мы и попробуем проследить в статье при помощи типологического ряда, где типы панцирных пластин будут распределяться по временной прямой в соответствии со сходством и различием признаков в порядке их последовательного изменения [11, с. 23]. Основной задачей такого метода является наглядная демонстрация традиций производства определённой панцирной пластины с набором её признаков и их эволюционных изменений.

Типологический ряд в качестве основы построения опирается на классификацию пластин из чжурчжэньских городищ Приморья, опубликованную ранее в журнале «Вестник ДВО» [19]. Она основана на изменчивости несущей части панцирной пластины — системы расположенных определённым образом отверстий. В результате было выделено три типа пластин (см. табл. I). Первый определён как «местный», чжурчжэньский (характерный именно для чжурчжэньских памятников Приморья), а два других — пришлые (трофеи, дары, покупки и т.д.) или архаичные (наследство, семейные реликвии, старый арсенал) для чжурчжэней. В данной статье классификация будет использована как «условный ноль», на который ориентируется всё построение типологического ряда. Название типов и общая ориентация также взяты из предыдущего исследования [19].

Сразу стоит оговориться, что в основном в работе будет рассматриваться тип I, так как именно он является тем самым «чжурчжэньским» вкладом в общий дальневосточный комплекс вооружения. В соотношении панцирных пластин, найденных на чжурчжэньских городищах Приморья, тип I занимает 99%, когда типы II и III делят между собой всего лишь 1%. Они, как уже говорилось выше, не характерны для чжурчжэней, хотя тип II, наверное, самый распространённый и известный на территории всей Евразии. В Приморье и Приамурье он появляется в польцевский период и получает распространение в мохэский и бохайский.

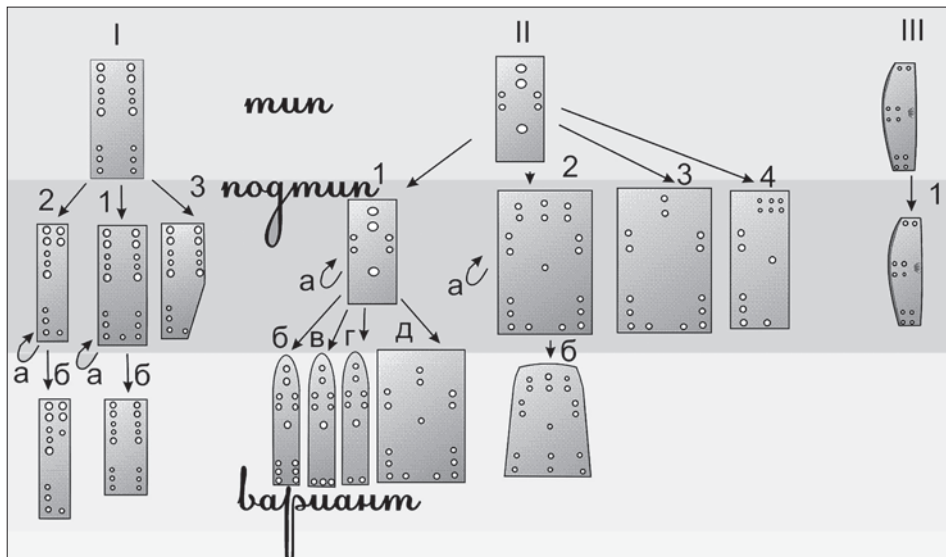

Табл. I. Классификация панцирных пластин из чжурчжэньских городищ Приморья

К приморским племенам в те времена подобные доспехи попадали, скорее всего, с территории Когуре [12, с. 280]. Единичные панцирные пластины типа II обнаруживают на средневековых горных городищах чжурчжэней: на Красноярском была найдена целая кираса, состоящая из больших пластин, имеющих эту систему связки [20].

Пластины типа III на территории Приморья встретились один раз на Шайгинском городище. Как оказалось, они являлись элементом усиления панциря, состоявшего преимущественно из пластин типа I [19]. К сожалению, ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке ничего подобного этим пластинам мы не нашли. Как ни странно, но ближайшие аналогии типу III имеются на территории Белоруссии, где в мастерской «слесаря Фёдора» (находилась недалеко от Гомеля и погибла от пожара в 1239 г.) были найдены похожие пластины [14, рис. 2—3; 13].

Типологический ряд типа I можно выстроить следующим образом (табл. II). Первые появляются на мохэских памятниках в Приамурье. В Найфельдском могильнике было найдено около 20 подобных пластин. Они продолговатой формы с округлыми верхним и нижним краями. Длина 7,6—8,3 см, ширина 2,2—3 см [8, с. 65, табл. XV, рис. 7]. Единственным их отличием от чжурчжэньских из Приморья является немного сдвинутая к центру нижняя пара отверстий из верхней группы. Это смещение выделяет систему, служащую для связки рядов пластин в панцирь, которую в классификации мы обозначали как доминирующую. Обычно у таких пластин по нижнему краю находилось не одно, а два отверстия, а по бокам вместо трёх — два. Из-за некоторых отличий от чжурчжэньских назовём этот тип Ia.

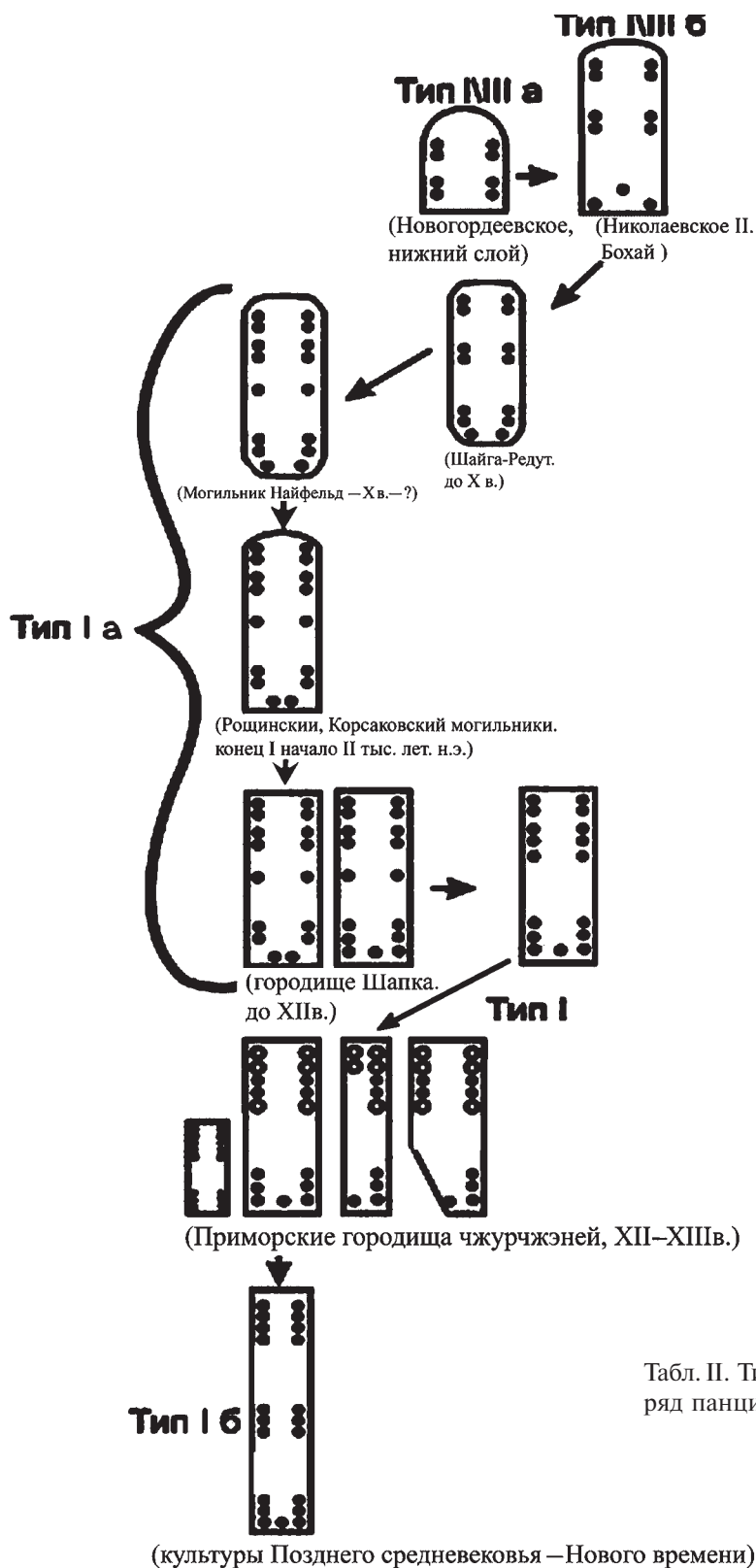

Табл. II. Типологический ряд панцирных пластин

Помимо типа Ia и II в мохэских памятниках находят пластины, которые можно назвать предшествующими типу I и, вероятно, типу III. Для упрощения наглядной схемы, назовём этот тип I/III. Его пластины имеют группу из четырёх отверстий по два с каждого края в верхней части и такую же группу посередине — тип I/IIIa. Нижняя часть иногда оформлялась двумя или тремя отверстиями. В некоторых пластинах верхняя часть оформлена всего одной парой отверстий, которые располагались по двум разным краям — тип I/IIIб [12, табл. XV 4.5]. Ещё одна пластинка с системой связки типа I/IIIa была найдена во втором слое Новогордеевского городища [Арх. ИА РАН. Р. 1. Д. 9254], который относится исследователями к бохайскому периоду [5, с. 40]. В верхнем слое (раскоп № 5), датирующемся временем существования чжурчжэньского государства Восточное Ся [5, с. 40], сохранился небольшой фрагмент панциря, состоящего из пластин типа I.

Обращаем внимание, что примерно в этот же период тип I/IIIa используется в некоторых японских доспехах *кэйко* (V—X вв.) как разновидность *кадатэ* — прямой шнуровки [21, рис. 90]. Такие же системы связок бытовали в IX—X вв. н. э. на территории Алтая, Тувы, Минусы и Забайкалья. В схеме эволюции защитного вооружения Южной Сибири и Центральной Азии Ю.С. Худяков показал её возможный ход от пластин с переходной связкой I/IIIa до типа II [24, рис. 100].

Интересная пластинка была обнаружена В.Э. Шавкуновым на памятнике «Шайга-Редут» (Приморский край, Партизанский район), который автор исследования датирует приблизительно X—XI в., полагаясь на присутствие «вафельной керамики» [26, с. 55—62]. Система крепежа состоит из 14 отверстий и вобрала в себя элементы как типа I/IIIa (верхняя часть), так и типа Ia (нижняя часть, оформленная в виде двух вертикальных пар отверстий по краям и одной горизонтальной парой по нижнему краю). Длина находки — 62 мм, а ширина — 21 мм. Основная же масса панцирных пластин этого памятника представлена типом II. Судя по описанию, подобные пластинки были обнаружены в мохэском могильнике Монастырка III (Дальнегорский район, Приморский край). Всего их было найдено около 700 штук (и даже небольшой фрагмент панциря), но, к сожалению, не было ни одной полностью сохранившейся [23, с. 108, рис. 2—7-14].

Возможно, от типа I/III в дальнейшем происходят пластины типа I. К X в. в памятниках Приморья и Приамурья всё чаще начинает встречаться тип Ia. Пластинки этого типа известны в бармице шлема и панциря из тайника Корсаковского могильника (IX—XI вв.), расположенного недалеко от Хабаровска на о-ве Уссурийском [15, с. 172—184].

Фрагмент панциря с такими пластинами был найден на многослойном памятнике Синие Скалы. По описанию Ю.Е. Вострецова, у находки прослеживалось два ряда [6, с. 32, рис. 2]. Пластинки были фрагментированы и сильно корродированы, но по некоторым элементам можно было судить, что расположение отверстий в них представлено типом Ia. Судя по всему, панцирь относится к верхнему горизонту гумусированного суглинка

(IX—X вв.) [2, с. 155]. Такие же пластины можно увидеть в бармице шлема из Рошинского могильника (Приморский край, Красноармейский р-н), который исследователи относят к концу IX — началу X в. н.э. [17, с. 102—112]. Сам шлем полностью идентичен корсаковскому. Его бармица была ламеллярной и состояла из прямоугольных пластин с одним закруглённым краем, которые также тождественны корсаковским [18, с. 133—135, рис. 4—5]. В.Э. Шавкунов в статье, посвящённой связке пластин чжурчжэньских панцирей, сравнивая находки из чжурчжэньских памятников и Рошинского могильника, предположил, что «рошинские» пластинки, которые старше чжурчжэньских примерно на два века, являются одним из этапов развития более поздних чжурчжэньских [25, с. 81]. Подобные предположения являются вполне логичными и обоснованными.

В период чжурчжэньского господства в Приморском регионе (XII—XIII вв.) лидирующие позиции среди защитного вооружения начинает занимать тип I. Его производство находилось под государственным контролем, о чем свидетельствует панцирная пластина с иероглифами, найденная случайно на Красноярском городище (табл. III). Согласно переводу А.Л. Ивлиева, надпись на ней читается следующим образом:

- первый ряд: «Да-тун ши и нянь ижэнюэ... (далее следует чжурчжэньский знак)» — «1-й месяц, 11-го года Да-тун...»;
- второй ряд: «цзянь цзао гуань Ваньянь Хуйбу» — «Наблюдавший за изготовлением чиновник Ваньянь Хуйбу».

11-й год Да-тун — это 1234 г. в нашем летоисчислении. 1-й месяц приходится на начало года, примерно февраль-март. Известно, что «Да-тун» — это второй девиз, принятый Пусянем Ваньну в его государстве Восточное Ся.

Сам тип I вполне мог сформироваться ещё в империи Цзинь, а Восточное Ся только переняло это производство, используя уже готовую базу. Конечно, первоначально воины молодой империи Цзинь могли использовать различное вооружение, происходящее в основном с территории киданьского государства Ляо и состоящее из панцирных пластин типа II. Некоторые письменные источники объясняют усиление чжурчжэней именно за счёт ляосских доспехов. Так, например, южносунский сандовник Е Лун-ли в своей работе «Цидань го чжи» («История государства киданей»), которая была написана в 1180 г., рассказывает об этом событии: «Особенно кидане любили серых соколов из восточных земель у моря, за которыми отправляли послов, непрерывно следовавших один за другим. Послы к тому же были очень жестоки и крайне алчны, что вызвало ненависть нюйчжэней, которые лишь сетовали на отсутствие лат.

Во втором году эры правления Шоу-чан, когда дядя императора по материнской линии Сяо Сели поднял восстание против Ляо и бежал к нюйчжэням, последние впервые получили пятьсот лат. Это настолько обрадовало их, что они пожаловали вождю, к которому явился Сяо Сели, титул алулици. В дальнейшем в период правления Хайбинь-вана, когда нюйчжэни двинули войска в поход, у них была лишь тысяча всадников, использовавших эти пятьсот лат при взятии областного города Нинцзян.

Две вертикальные стороны:

1 строка: 大同十一年正月光芬

Да-тун ши и пянь чжэнюэ... (чжурчжэньский знак
1-й месяц 11-го года Да-тун ... (чжурчжэньский знак)

2 строка: 监造官瓦顔回不

цзянь цзао гуань Ваньянь Хуйбу
наблюдавший за изготовлением чиновник
Ваньянь Хуйбу

11-й год Да-тун — 1234 год.

1й месяц приходится на начало года.

Примерно февраль-март.

Табл. III. Панцирная пластина из Красноярского городища с иероглифической надписью (случайная находка).
Перевод А.Л. Ивлиева

Одерживая непрерывные победы в каждом сражении, нюйчжэни добыли большое количество оружия и лат и стали настолько сильными, что им уже было невозможно сопротивляться» [9, с. 169].

Перемена традиций в защитном вооружении чжурчжэней могла начаться с конца 50-х гг. XII в., когда император Ван-янь-лян (Дигунай) перед очередной кампанией на Южную Сун начинает программу по обновлению и заготовке вооружения. Вот что рассказывают авторы «Цзинь ши», описывая 1158 г.: «В сие время в Южной столице (Бянь-цзин) строился дворец; поправляли Северную столицу и по всем областям приготавливали военное оружие. Требовавшиеся для сего материалы были взываемы с народа, от чего цены на оные возвышались до чрезмерности. Крестьяне были доведены до крайности. Они убивали коров и отдавали кожи и жилы на тетиву для луков, были убиваемы даже свиньи, собаки и степные птицы... с заготовливанием военного оружия и набором войска увеличены казённые работы и налоги. Народ, обременённый податями и службами, изъявляет ропот» [10, с. 139].

После гибели Золотой империи и государства Восточное Ся панцирные пластины типа I вместе с чжурчжэньскими воинами, которые входили в состав монгольских экспедиционных войск, попадают на Запад. Они были найдены на территории казахских степей [22, с. 90—91], средневековых русских городищ, которые находились под осадой монголов [7].

В усовершенствованном виде тип I доходит до Нового времени и используется в цинских доспехах (тип Iб). Наиболее известное описание таких пластинок принадлежит перу Леопольда Ивановича Шренка. Из них состояла бармица шлема, такого же, как рощинский или корсаковский [27, табл. XLIV]. Эти панцирные пластинки вполнину уже и на

четверть длиннее чжурчжэньских. Они имеют такой же набор отверстий, как и тип I, плюс две дополнительные пары в середине для более крепкой связки. Л.И. Шренк отметил, что подобные пластины попали к гылякам от маньчжуров и на тот момент являлись не более чем показателем зажиточности гылякской семьи, передаваясь от отца к сыну. Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков, проанализировав это сообщение, пришли к выводу, что крайняя граница изготовления доспехов из подобных пластин определяется XV—XVII вв. После чего начинается эпоха господства пластинчатонашивного доспеха [4, с. 145—146].

Приведённые данные показывают, что тип I имеет глубокие местные традиции производства от Амура и до юга Приморья и прошёл довольно долгий путь развития (от типа I/III до типа Iб), занявший около 1 тыс. лет. Правда, из общей картины эволюции «выпадают» пластинки типа Ia, которые были найдены в Найфельдском могильнике, относящиеся к периоду мохэ. Опираясь на радиоуглеродные датировки, исследователи выделяют три периода существования группы найфельдских памятников: I этап — V—VII вв. н.э.; II этап — VIII—IX вв. н.э.; III этап — X—XIII вв. н.э. [16]. Скорее всего, эти пластинки появились там ближе к X—XI вв. и существовали одновременно с пластинами из корсаковского и рошинского могильников.

Что на данный момент нельзя оспорить, так это широчайшее массовое производство доспехов с пластинами типа I на территории Приморья в период государства Восточное Ся. Кроме того, тип I был для чжурчжэней определённой унифицированной единицей защитного комплекса. Такие пластины входили в состав как всех типов панцирей чжурчжэней, так и ламеллярных бармиц их шлемов. Изменив панцирную пластину — один из значимых элементов панциря — и оставив его традиционный покрой, чжурчжэни создали универсальный и современный доспех, который полностью отвечал всем требованиям военного дела той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982.
2. Андреева Ж.В. Центральная часть основного поселения // Синие скалы — археологический комплекс: опыт описания многослойного памятника. Владивосток, 2002.
3. Артемьева Н.Г., Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // Российская археология. М, 2012. № 1.
4. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в период позднего Средневековья и Нового времени // Археология Южной и Центральной Сибири эпохи позднего средневековья. Новосибирск, 2003.
5. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Многослойный памятник Новогордеевское городище. Материалы раскопок 1986—1987 годов // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Т. 11. Актуальные проблемы Дальневосточной археологии. Владивосток, 2002.
6. Вострецов Ю.Е. Типология железных предметов вооружения поселения Синие Скалы // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981.

7. Гусынин В.А. Дальневосточный комплекс доспешных пластин из Золоторевского поселения // Вестник военно-исторических исследований. Вып. 3. Пемза, 2011.
8. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племён Приамурья. Новосибирск, 1987.
9. Е Лун-Ли. История государства киданей (циданьгочжи) / пер. с кит. В.С. Таскина. М., 1979.
10. История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малявкина. Новосибирск, 1998.
11. Классификация в археологии: терминологический словарь-справочник. М., 1990.
12. Когуресские царские могилы в Цзиане: отчёт об исследовании Когуресских царских могил в Цзиане. Пекин, 2000. Кит. яз.
13. Макушников О.Л. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // GRIDNI.ORG: блог гомельского клуба исторического моделирования Средневековья. URL: www.gridni.org/biblio/archeology/armor-and-armorment/gomel-weapon-workshop-p2.html/3 (дата обращения: 16. 01. 2013).
14. Макушников О.Л., Лупиненко Ю.М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала III в. (по материалам раскопок в Гомеле). Рис. 2—3 // SWORDMASTER.ORG: сайт Новокаховского клуба исторического фехтования «Братство стали». URL: [www.swordmaster.org/uploads/2009/rus-lamellar/lamell_dospeh\(sword.org.ua\).pdf](http://www.swordmaster.org/uploads/2009/rus-lamellar/lamell_dospeh(sword.org.ua).pdf) (дата обращения: 16. 01. 2013).
15. Медведев В.Е. О шлеме средневекового Амурского воина (тайник с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
16. Нестеров С.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приамурья // PHILOSOPHY.NSC.RU: сайт института философии и права СО РАН. URL: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/3_98/05_NEST.NTM (дата обращения: 02.10. 2011).
17. Никитин Ю.Г., Ключев Н.А., Мерзляков А.В. Могильник у села Рошино // Россия и АТР. Владивосток, 1998, № 4.
18. Никитин Ю.Г., Шавкунов В.Э. Предметы вооружения Рошинского могильника // Археология и этнография Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.
19. Прокопец С.Д. Реконструкция способа крепления панцирных пластин в доспехе чжурчжэньского воина // Вестн. ДВО РАН. 2009. № 1.
20. Прокопец С.Д. Реконструкция тяжёлого панциря-нагрудника // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. Владивосток, 2012.
21. Робинсон Рассел. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М., 2006.
22. Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-восточного семиречья в средние века. Алматы, 1998.
23. Сёмин П.Л., Шавкунов В.Э. Металлические изделия могильника Монастырка-III // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990.
24. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // Новосибирск, 1986.
25. Шавкунов В.Э. К вопросу о защитных доспехах чжурчжэней Приморья // Азиатско-тихоокеанский регион: археология, этнография, история: сб. науч. ст. Владивосток, 2008.
26. Шавкунов В.Э. Предметы вооружения с городища Шайга-Редут // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времён до начала XX в. Вып. I. Владивосток, 2010.
27. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб: Издание императорской академии наук, 1903. Т. 3.
28. Арх. ИА РАН (Арх. Института археологии РАН).